

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ЛУННЫЕ
ДРАКОНЫ

МОСКВА

РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

МИСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Ведьмин клад	Слеза ангела
Волчья кровь	Старинный орнамент везения
Время черной луны	Третий ключ
Дом у Чертова озера	Музы дождливого парка
Лунные драконы	Хозяйка колодца
Паутина чужих желаний	Лабиринт Медузы
Пепел феникса	Темная вода
Печать василиска	Снежить
Проклятый дар	Девятый ангел

«САМАЯ ТЕМНАЯ НОЧЬ»

Самая темная ночь
Час перед рассветом

«ТАЙНА ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма

«ТАЙНА СТАРОГО ПОМЕСТЬЯ»

Девушка с серебряной кровью	Проклятое наследство
Приди в мои сны	Змеевы дочери
Сердце зверя	Зов серебра

«ВРАНОВА БАШНЯ» «СВЕЧНАЯ БАШНЯ»

Вранова погоня	Свечная башня
Сердце ночи	Светочи тьмы

«ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот Гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака
Цербер-хранитель
Один сон на двоих

«МАРЬ»

Марь
Марионеточник
Марионетки

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ЛУННЫЕ
ДРАКОНЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Редактор серии *Е. Дмитриева*

Оформление серии *Е. Петровой*

Корсакова, Татьяна.

К69 Лунные драконы / Татьяна Корсакова. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215304-4

В давние-давние времена талантливый мастер выковал для своей возлюбленной дивный серебряный браслет с драконами, украсив его лунным камнем, упавшим с неба. Этот амулет спас девушку от смерти, зато отнял жизнь у самого творца. Прошли века, и молодой талантливый врач Сергей ищет способ помочь той женщине, что оставила неизгладимый след в его прошлом, перевернув всю его жизнь. Помогут ли ей лунные драконы, тем более что Сергей еще не разобрался в своих чувствах к ней и не знает, что победит: любовь или презрение, замешанное на обиде.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215304-4

© Корсакова Т., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Ночь выдалась черной-черной, точно грива любимого княжьего жеребца. И даже луна, большая и круглая, с лоснящимися, как масленичный блин, боками, не могла рассеять эту черноту. В такую б ночь спать на свежем, терпко пахнущем сене, а не таращиться в небо. Да куда ж ему, Горазду, уснуть, когда там, в княжьих палатах, умирает от неведомой хвори Ясенька, а ключница Малуша, старая и совсем сивая, каждый день молит Бога, чтобы побыстрее прибрал к себе бедную княжну, чтоб не мучилась юная хозяйка муками адовыми, не кричала от нестерпимой боли.

И князь от горя лютый стал, давеча заморского лекаря зарубил, потому как не помогли Ясеньке лекаревы травы. И зелья ведьмы с Гнилого болота не помогли, и снадобья, княжьим послом из Орды привезенные. Умирала Ясенька, вот Горазду и не спалось...

Они росли вместе: любимая княжья дочка Ясна и Горазд, единственный сын лучшего на всю округу златокузнеца. С малых лет рядом: в княжьих палатах, на скотном дворе, в лесу, на заливных лугах да на речке. Ясенька всегда здоровьем слабая была: маленькая, тонкая, что та осинка, неловкая. Сколько раз падала, ушибалась. Может, если бы не Горазд,

так и вовсе насмерть зашиблась бы. Да только он завсегда рядом был — оберегал хозяйку. И князь его за то привечал, видел, как кузнецов сын о Ясеньке печется.

Горазд и не заметил, когда это случилось. Просто однажды любовался, как Ясенька с подружками на лугу хороводы водит, а сердце как кольнет чем-то острым, точно шилом. Не жить ему без княжьей дочки, ох не жить. И без нее не жить, и с ней не жить... Она ж княжна, а он кто? Княжий холоп! Негоже холопу о такой-то горлице грезить, не про его она честь. Значит, надо псом сторожевым у ее ноженек да у светлицы, тенью незримой, чтоб никто, особливо князь, не догадался. Оберегать...

Уберег. Сам в ордынский полон угодил, но Ясеньку ненаглядную спас...

Ясенька удумала к Гнилому болоту пойти за ягодами. Уж больно там клюква знатная водилась. Князь, знамо дело, не позволял, да ведь Ясенька — она ж только с виду тоненькая да слабенькая, а нутро у нее — что твой булат. Коль что удумала, так непременно сделает, даже отцова гнева не убоится. Вот Горазд следом и увязался, чтобы присмотреть. Батьке сбрыхал, что с мужиками на сенокос, а сам за Ясенькой на Гнилое болото.

Много они тогда ягод собрали — полное лукошко. В лукошко — это Горазд складывал, а Ясенька все больше цветочками любовалась да букашек всяких разглядывала. А еще вопросы задавала смешные. Почему луна круглая да как это так она с небес на землю не падает? Ей бы хотелось, чтобы упала: не вся луна, Господь упаси, но хоть маленький кусочек чтоб от нее откололся. Горазд спросил, зачем княжне луна, а она улыбнулась так странно, ска-

зала, что красиво. Не понял он тогда, что в луне красивого-то. Солнце вот многим пригожее и полезнее, но с Ясенькой спорить не стал. Да он бы, будь его на то воля и умение, луну собственными руками с неба отодрал и ей в горницу принес, чтобы светила вместо лучины.

...Конников Горазд первым услышал. Не услышал даже, а звериным чутьем почуял. Они с Ясенькой лесом от Гнилого болота возвращались, когда все вокруг притаилось-замерло. Ох, худо это — времена лихие, люда недоброго развелось — тьма, да и ордынцы, сучье племя, повадились набегу учинять. Вон весной Якимову слободу дотла выжгли, людей неповинных порубили, а кого не порубили, так, рассказывают, в полон увели. Схорониться бы.

Не ошибся Горазд. Так и есть — ордынцы! Много их, перстов не хватит, чтобы пересчитать. Предупредить бы князя, что беда идет...

Ясеньку он под упавшим деревом спрятал, а для надежности сверху еще старыми ветками забросал. Велел сидеть и носу не казать, пока он за ней сам не воротится. Хоть бы послушалась княжна, хоть бы усидела на месте...

Пешему конников обогнать — тяжкая задача, только ноги у Горазда сильные, да и дорогу короткую он знает. Все одно, как ни старался, а поспел только стражу предупредить да за кувалду схватиться. Нечисть ордынская уже тут как тут. Налетели со всех сторон, точно воронье.

Ох, лютая сеча была! Крови пролилось столько, что и дождь не нужен. На глазах у Горазда, почитай, вся княжеская дружина полегла, а князю копье в бок воткнули. Дома пожгли-пограбили, баб, стариков да детей малых, из тех, кто спрятаться не

успел, поубивали, а девок помоложе да покрасившие в полон забрали. Горазда тоже забрали...

Он бы ни за что живым не дался, лучше б рядом с батей своим да князем на родной земле костями лег, да не вышло. Их много было — тех, кто спереди нападал, только успевай кувалдой махать, недосуг оборачиваться. Вот и не углядел, как сзади тать узкоглазый подкрался. Вспыхнуло что-то в голове ярко-ярко, и мысль последняя промелькнула — хорошо ли Ясеньку схоронил...

В ханском рабстве оказалось худо, потому как норовистый был Горазд, непокорный. Уже давно б в земле гнил, если б не золотые его руки. Руками этими он много чудных вещей делать умел. Поклон бате-покойнику — научил. Сам хан Горазда привечал. Цацки диковинные, которые Горазд из золота да серебра для любимой ханской жены ковал, да оплечья, самоцветами изукрашенные, да шеломы легкие и крепкие, да много еще чего... Вот за это хан непокорного раба и терпел. Терпеть-то терпел, да нагайкой охаживать не забывал, чтобы знал пес кусачий, чья рука его кормит. Откусил бы Горазд эту руку, да не подобраться к хану, охранники кругом. Ничего, Горазд ждать умел. Придет и его час, вырвется из ворожьего плену, вернется домой — к Ясеньке.

Шесть зим прошло и семь весен, пока его час не стал. До хана Горазд не добрался, но вот любимого ханского баскака голыми руками придушил и еще много ордынцев положил, перед тем как в степь уйти. Не зря ждал, не зря надеялся. Помог Господь...

Долго Горазд до дому добирался. И чем ближе, тем тяжелее на сердце становилось. Как же там Ясенька одна все эти годы? Матушки, батюшки нет. Бра-

тьев нет, не нажил князь сынов-то. Кто ж ее оберегает? Кто о ней, сиротке, печется?..

Но не помер князь — вот чудо-то! После той сечи с ордынцами хром стал, из-за бока разодранного в седле держится криво, но жив! Город, почитай, заново отстроил, замок укрепил. И на землях княжих покой и благодать, никто не лютует, не озорует. А все оттого, что у князя нынче ярлык ханский имеется и на землях его ордынцы — гости желанные. Вот как оно все обернулось-то...

Ну да кузнец князю не судья. Да что ему князь! Ему бы с Ясенькой свидеться, потому как невтерпеж уж больше.

От ключницы Малуши да от девок дворовых узнал Горазд, что одолела княжну хворь злая и небывалая, такая, что никто излечить не может. Не поверил. Ночью, как совсем стемнело и стражники князевы вместо того, чтобы замок охранять, браги напились и спать повалились, взобрался на дерево, что под Ясенькиным оконцем росло, заглянул в горницу.

Лучше б не заглядывал... Света от ущербной луны аккурат хватило, чтобы княжну разглядеть и пожалеть, что из плена ордынского живым вернулся. Ничего-то от прежней Ясеньки не осталось. Была птичка-невеличка, звонкоголосая, синеглазая, а оборотилась мышью летучей с крылами перебитыми, глазами мертвыми. А потом Ясенька заплакала, тихо-тихо, что дите малое. Горазд, чтобы не закричать от злости да бессилия, руку себе до крови прокусил. Не помогло. Ни о чем он теперь думать не мог — только о том, как княжне помочь.

Думал-думал, да не придумывалось ничего, голова от мыслей этих тяжких гудела, точно наковальня,

руки дрожали так, что одну и ту же работу приходилось по два раза переделывать. И плач Ясенькин так в ушах и стоял, терзал душу, спать не позволял. Вот и лежал Горазд на сене, таращился в черноту, думал...

... Звезда сорвалась с неба, когда Горазд уже собрался в кузню воротиться. Яркая-яркая, с синим отсветом и хвостом дымно-белым. Сорвалась и полетела аккурат к Горазду, ухнула в чан с водой, и вода сразу зашипела, паром пошла.

Подходить к чану было боязно — а ну как и в самом деле звезда! Или вот от луны кусочек... не видно ж на небе ни единой звездочки, черным все черно — только луна, Ясенькина любимица...

Горазд все с духом собирался, когда дубовый, крепко-накрепко железными ободами скрепленный чан раскололся, точно лесной орех, распался на две половинки. Вода выплеснулась на землю, и туда же, под ноги Горазду, выкатилось небесное диво. Тут уж он не забоялся, как только диво увидал, про все свои думы тяжкие враз позабыл.

Как есть лунный обломок! Небольшой, с голубиное яйцо, еще горячий, серый с синими всполохами внутри — не то камень небывалый, не то металл невиданный, так сразу и не разберешь. Пригожий. Ух, какой пригожий! Аж глазам больно смотреть на такое-то диво. И руки дрожат чисто от лихоманки, того и гляди — упадет кусочек луны на землю, затеряется в высокой траве. Ищи потом...

Диво Горазд за пазуху спрятал, для надежности. Животу сразу стало горячо и щекотно, и спать захотелось так, что аж не вмоготу...

...Сон ему пригрезился небывалый: яркий, как весеннее утро, звонкий, как Ясенькин голосок. Дра-

конов, тварей огнедышащих и крылатых, коих Горазд на иноземных картинках видывал, да коими ханские доспехи украшал, было двое. Один поболее: грозный, с хвостом змеиным да башкой шипастой. Второй поменее: ласковый, с чешуей блестящей, как у карпов в княжьем пруду, с крылами, покойно сложенными, и очами закрытыми. И держали те драконы в лапах то, что Горазд давеча за пазухой спрятал, — кусочек луны. Один оберегал, другой ублаживал, нашептывал что-то тихое, человеческому уху непонятное. Да только вот Горазд все равно понял: и про драконов, и про жизнь свою, и про то, как Ясеньку уберечь...

Для лунных драконов, Ясенькиных заступников, Горазд выбрал серебро. Работал денно и ночью, из кузни выходил, только чтобы воздуху свежего глотнуть, спать вообще перестал, все прислушивался, что ему нарождающиеся драконы нашептывают. Делал все так, как во сне увидал да как камень велел, и драконы мало-помалу оживали, набирались силы.

Когда Горазд браслет выковал да лунный камень драконам в лапы вложил, Ясенька уже, почитай, и не живая была. Малуша сказывала, что княжна более не плачет и очей не открывает. Скоро, видать, представится...

Ночь выдалась злою: с ветром и зарницами на все небо. Да только Горазду не до зарниц было. Не опоздать бы...

Ясенька не спала. Сбрехала Малуша, что княжна ничего не видит, не слышит. Смотрела Ясенька прямо Горазду в душу, улыбалась ласково, молвить что-то силилась.

...Драконы обняли тонкую Ясенькину ручку, замурлыкали, а камень засветился весь, пошел синими

сполохами. От сполохов тех в горнице светло стало, как днем, а у Горазда из глаз слезы покатились. Ничего в его жизни краше этого браслета не было, никого дороже умирающей княжны. Упал он на колени, прижался челом к холодной Ясенькиной руке, сам сделался точно неживой. А может, и вправду неживой. Рвалась душенька вон из тела, перетекало что-то неведомое от кузнеца к княжне, холодило утробу. А ручка Ясенькина все теплее делалась...

...Ну и пусть в горнице Ясенькиной он более не один! Пусть старый князь гневается, хмурит седые брови да рвет из рук испуганного стражника секиру. Пусть секира взлетает высоко-высоко. Пусть падает вниз... Не нужна больше княжне его, Горазда, защита, у нее отныне другие заступники: сильные, крылатые, огнедышащие, самой луной на стражу назначенные. А что кровь его на камень упала... так это хорошо. Напьется камень и драконов напоит, чтоб сильнее стали, чтобы служили новой хозяйке верой и правдой. А ему пора, вон по той лесенке, прямо вверх. И как это он доселе не замечал, что у лунной лесенки перильца из серебра кованные. Знать, любы Боженьке кузнечных дел мастера...

* * *

Дежурство выдалось так себе. Бывали дежурства и получше. Обычно их клиника острыми случаями не занималась, только отдаленными и не слишком отдаленными последствиями этих самых острых случаев. Но сегодня пришлось пойти против правил. С утра позвонил профессор Ильинский и не терпящим возражений голосом попросил об исключении. Племянник известного депу-

тата попал в переделку: по пьяной лавочке сбил мужика, сам врезался в фонарный столб. В результате пострадавший отделался ушибами и легким испугом, а мальчишке не повезло, перелом позвоночника — это вам не шутки. Сергею Полянскому, дежурившему в ту ночь, пришлось попотеть. А затем были трудовые будни: ни присесть, ни прикорннуть. А потом — шесть вечера, как-то рановато спать.

Сергей кое-как дотянул до девяти. Принял душ, плотно поужинал, влез в домашние тапки, прилег на диван перед телевизором.

Сон сморил, стоило только утратить бдительность, подкрался, одурманил, утащил в клочковатый мутно-серый туман. Туман был неправильный — говорливый и какой-то очень уж подвижный. Сергей прислушался к едва различимому многоголосому шепоту, напрягся от легкого прикосновения к щеке чьих-то невидимых пальцев, вздрогнул под чьим-то пристальным взглядом. Что за черт?..

— ...Пришел. — Туман больше не был таким уж мутным, теперь в его прорехах Сергей мог разглядеть уходящую вверх лестницу и женский силуэт, нечеткий, точно карандашный набросок. — Хорошо, что ты пришел. — Набросок ожил, шагнул навстречу.

Женщина. Седые волосы, красивое, без признаков возраста лицо, шаль на узких плечах и синие-синие глаза — два ярких пятна в этом скучном туманно-сером мире.

— Пришел. — Он всматривался в лицо незнакомки, силился вспомнить. — А что?

— И она скоро придет. — Женщина поежилась, укуталась в шаль. — А я не хочу.

— Кто — она? — Из-за тумана и шепота у него никак не получалось сосредоточиться и вспомнить.

— Тебя позовут, — незнакомка нетерпеливо взмахнула рукой. — Очень скоро. И если ты откажешься, она придет ко мне, и тогда все будет напрасно. Понимаешь?

Он не понимал. Никогда раньше ему не снились такие вот чудные сны.

— Помоги ей. — Туман снова начал сгущаться, и теперь Сергей мог только слышать. — Не оставляй.

— Помогу, — пообещал он. Во сне можно давать любые обещания, это же понарошку.

— Поможешь... — Щеки коснулось что-то легкое, едва осязаемое, точно паутинка. — Спасибо...

...Мобильник зазвонил громко, так, что заломило в висках. Сбрасывая ошметки тумана, Сергей рывком сел, потряс головой, приходя в себя.

— Слушаю! — рывкнул в трубку, не открывая глаз.

— Серый! Ты где сейчас? — послышался в телефоне усталый голос Игоря, бывшего однокурсника и соседа по общежитию.

Вместе с Игорем в студенческие годы они съели не один пуд соли, выпили не один литр водки, написали не один километр шпор и соблазнили не один десяток девиц. Они даже специализацию выбрали одну и ту же — неврологию. А вот дальше их пути разошлись. Сергея еще во время клинической ординатуры заметил профессор Ильинский, светило, нейрохирург с мировым именем. Сергей до сих пор не мог понять, что нашел в нем, провинциальном мальчишке с наполеоновскими планами, этот зубр от медицины. Были студенты и поумнее, и перспективнее, с солидной поддержкой и мощным финансовым обеспечением. Ну, те, которые уже на первом курсе медицинского знали, кем и где будут работать после института. У Сергея не было «волосатой руки», не было

красного диплома, зато наличествовало неумное любопытство и сложный характер. Где ж это видано, чтобы сопляк, только-только вышедший за порог alma mater, смел ставить под сомнение диагноз самого профессора Ильинского?! Сумасшествие и самоубийство! Крест на карьере! Примерно то же самое говорил Сергею и друг Игорь: «Серый, одумайся! Не тяни тигра за усы! Ильинский тебя за инакомыслие по стенке размажет!»

А Ильинский не размазал. И даже наоборот — взял в свою команду, трудоустроил, решил вопрос с московской пропиской и, что самое важное, признал Сергея своим учеником и преемником. И Сергей учителя не подвел. На плановые операции к нему записывались в очередь, и оперировал он как бог: легко, виртуозно, едва ли не лучше своего наставника. Нет, конечно, не лучше. Пока еще не лучше, но у него еще все впереди, тридцать лет всего. Это ж разве возраст для хирурга?!

А друг Игорь по распределению попал в Подмоскowie, в райцентр, невропатологом в городскую больницу. В то время, когда Полянский писал, а потом защищал кандидатскую, стажировался в Европе и Штатах, Игорь делал карьеру, смешную по столичным меркам, но весьма значительную по провинциальным. За шесть лет он от участкового невропатолога дорос до заведующего неврологическим отделением.

— Привет, старик! Рад тебя слышать! — Сергей окончательно проснулся.

— Серега, тут без тебя никак. — Голос у друга был какой-то странный, это только спросонья показалось, что усталый.

— Случилось что?

— Случилось, помощь твоя нужна. И как можно быстрее. Тут такое дело... — Игорь на секунду замолчал, собираясь с мыслями. — К нам по «Скорой» женщи-

на поступила с черепно-мозговой. По клинике похоже на эпидуральную гематому¹ теменно-затылочной области. Серега, там полный кирдык, кажись, вклинение начинается.

— Сколько времени прошло? — Сергей встал с дивана, прошелся по комнате.

Вот тебе и вещей сон! Тебя позовут... помоги ей. Позвали, придется помогать.

— Не знаю, наверное, около часа.

— Сознание?

— Отсутствует, но в «Скорой» в себя на пару секунд приходила. Оперировать ее надо, Серега! А ты ж знаешь, как у нас с этим делом.

Сергей и в самом деле знал, не раз слышал от друга жалобы на хреновое обеспечение больницы и недоукомплектованность.

— Пусть везут к нам, я договорюсь с дежурными врачами, — он взглянул на часы.

— Серега, а может, лучше ты к нам? Мы ее живой не доведем, а ты на своей «Субару» мигом домчишься. Приезжай. Не в службу, а в дружбу!

Сергей взъерошил волосы, подавил зевок. Похоже, предстоит ему еще одна бессонная ночь. Но ведь друг просит, как тут отказать?!

— Готовьте операционную. Я скоро буду.

Зевая и чертыхаясь, он добрался до гаража.

— Погуляем, девочка? — спросил с нежностью свою машину.

«Субару» радостно мигнула фарами, замурлыкала в предвкушении большой прогулки. Автомобилю, спо-

¹ Эпидуральная гематома — травматическое кровоизлияние, которое располагается между твердой мозговой оболочкой и костями черепа, вызывая местное и общее сдавление головного мозга.

собному развивать скорость до двухсот километров в час, нечего делать на городских улицах. Его, как охотничьего пса, время от времени нужно выпускать на волю, чтобы не застаивался и не болел.

До места Сергей добрался в рекордно короткие сроки, всего за час двадцать. С тихим ворчанием «Субару» катилась по узкой разбитой дороге. Слева одиноко светилось несколько окон городской больницы. Справа утопало в непроглядной тьме городское кладбище. Сергей усмехнулся. Хорошее соседство — больница и кладбище. Наверное, чтобы ни врачи, ни пациенты не расслаблялись, все время помнили о бренности бытия. На крыльце пожарного выхода, тускло освещенного полудохлой лампочкой, стояла одинокая фигура в белом халате. Видать, дежурный врач вышел покушать.

Обогнув больницу по периметру, Сергей подъехал к центральным воротам. Минут пять ушло на то, чтобы уговорить полусонного сторожа пропустить «Субару» на территорию больницы. Не оставлять же девочку без присмотра!

У входа в приемный покой его уже ждали. Долговязый патлатый парень, не то фельдшер, не то санитар — по внешнему виду сразу не определишь, — отклеился от стены и шагнул навстречу.

— Полянский Сергей Сергеевич? — спросил полутвердительно-полувопросительно.

— Да.

— Меня Игорь Владимирович послал вас встретить. Ваша тачка? — Парень с завистью посмотрел на «Субару».

Сергей кивнул.

— Хорошая машинка, скоростная...

— Пациентка где? — Не любил он вот таких разговоров, и панибратства тоже не любил. Не дожидаясь провожатого, решительно шагнул в раскрытые двери.

— Дама с собачкой?! Так уже на операционном столе, вас дожидается. Игорь Владимирович там же.

— Почему дама с собачкой?

— Так ее ж с собачкой нашли! — притихший было парень снова оживился. — Это вообще какая-то жуткая история, — добавил зловещим шепотом. — Дамочку-то на кладбище обнаружили, лежала с проломленным черепом прямо на могиле.

— Кто обнаружил?

— Да хрен поймешь! Неизвестный позвонил в «Скорую», сообщил, что на кладбище лежит женщина, вся в крови. Знаете, сколько там кровищи было? Ребята со «Скорой» говорят — целое море!

— Так уж и море? От черепно-мозговой? — усомнился Сергей.

— Так там не только дамочкина кровь была, — обиделся парень.

— А чья ж еще?

— Собакина. Я же говорю: дамочка с разбитой головой — на могиле, а рядом — собачий труп, обезглавленный и освежеванный...

— Не понял. — От удивления Сергей даже шаг замедлил.

— Вот именно! — Парень возбужденно потер руки. — Сплошные непонятки!

— Что значит «обезглавленный и освежеванный»?

— А то и значит, что кто-то дамочку по темечку тюкнул, а потом с ее собачки шкуру снял, голову отрезал и с собой унес.

— Бред какой-то! Зачем кому-то собачья шкура? — удивился Сергей.

— Знаете, что я думаю? — Парень понизил голос до зловещего шепота: — В городе завелся маньяк. У нас в том году несколько детишек пропало, до сих пор не нашли, а теперь вот собачка...

— Не вижу связи. — Сергей остановился у дверей с надписью «Первое хирургическое отделение».

Парень хотел было что-то возразить, но дверь распахнулась, выпуская в полутемный коридор яркий электрический свет и немолодую уже медсестру.

— Сергей Сергеевич? — спросила она шепотом.

— Он самый.

— А мы вас уже заждались. Пойдемте, покажу, где можно переодеться.

Он тщательно вымыл руки, сунул их в приготовленные расторопной медсестрой стерильные перчатки и шагнул в ярко освещенную операционную.

— Доброй ночи!

— А вот и наша приглашенная звезда! — Стоявший спиной к двери мужчина обернулся и приветственно взмахнул рукой. Его лицо скрывала маска, но Сергей безошибочно признал в хирурге Игора. — Ну что же, господа, предлагаю опустить формальности и сразу приступить к делу!

— Кто ассистирует? — спросил Сергей.

— Ассистирует Игнат Тимофеевич, — Игорь кивнул на стоящего рядом невысокого упитанного мужчину.

В ответ тот проворчал что-то невразумительное, способное сойти и за приветствие, и за ругательство. Сергей не стал вникать в детали, главное, чтобы мужик оказался хорошим хирургом.

— А это Любовь Степановна — анестезиолог.

Женщина, возраст которой определить из-за маски и хирургической шапочки не представлялось возможным, сдержанно кивнула Сергею.